

Шёлк и пепел

«Чужая клятва»

КИРА СИ

18+

Кира Си

Шёлк и пепел «Чужая клятва»

«Автор»
2026

Си К.

Шёлк и пепел «Чужая клятва» / К. Си — «Автор», 2026

Адвокат Вера Соколова приезжает в портовый город защищать человека, который отказывается говорить. Ей обещают обычное дело. Вместо этого она получает номер, который не бронировала, чёрную ленту на подушке и предупреждение: в этом городе некоторые имена нельзя произносить вслух.Дамиан не угрожает ей прямо. Он предлагает выбор — уехать до суда или узнать, чью клятву на самом деле носит её клиент. Между ними вспыхивает жёсткое, почти враждебное притяжение. Каждый секрет делает Веру ближе к правде и к человеку, которого город боится. А когда чужое слово переписывают на неё саму, уехать уже невозможно.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночной паром 5
Глава 2. Клиент, который молчит 9
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Шёлк и пепел «Чужая клятва»

Глава 1. Ночной паром

Паром пришёл позже, чем обещали, и город встретил Веру так, будто ждал именно этой задержки.

Дождь не лил — он висел в воздухе, мелкий, солёный, почти тёплый, несмотря на ноябрь. От воды поднимался запах железа, мазута и гниющей верёвки. Где-то в темноте лязгали контейнеры. Портовые краны стояли над доками чёрными шеями, и фонари на них горели через один, будто городу было лень притворяться живым.

Вера Соколова сошла на причал последней. Чемодан у неё был один, пальто — тяжёлое, не новое, зато такое, в котором можно простоять у следственного изолятора хоть до утра. Волосы она собрала ещё на пароме, но дождь всё равно нашёл шею. Холодная капля сползла за воротник. Вера не одёрнула его. Она смотрела на город и считала выходы.

Привычка. В чужом месте сначала двери, потом люди, потом обещания.

На причале её никто не встречал. Это было правильно. Она не просила встречи. Дело Ильи Грекова, докера, обвинённого в убийстве таможенника, пришло к ней через коллегу из столицы — короткое письмо, скудные материалы, гонорар, который для портового убийства был подозрительно щедрым. Вера взяла его не из-за денег. В бумагах не сходились часы. Человек не может быть одновременно на складе номер четыре и в камере досмотра у северных ворот. Кто-то очень хотел, чтобы это сошлось.

Подстава пахнет раньше, чем её видно. У этого дела запах уже был. Сырой. Портовый.

Такси у парома стояло одно, жёлтое, с трещиной на заднем стекле. Водитель не вышел помочь с чемоданом. Только кивнул, когда она назвала гостиницу «Маяк».

— «Маяк» закрыт на ремонт, — сказал он, трогаясь. Голос был хриплый, равнодушный. — Вас, наверное, в «Северный» перекинули. Там все чужие живут.

— Меня никто никуда не перекидывал.

Водитель пожал плечом. Дворник скрежетал по стеклу и не справлялся с водой.

— В этом городе, — сказал он, — многое делают без спроса. Вы адвокат?

Вера посмотрела на него в зеркало.

— А вы откуда знаете?

— Чемодан лёгкий. Пальто дорогое, но не местное. И вы смотрите не на вывески, а на камеры. У нас адвокаты так смотрят в первую ночь. Потом перестают. Или уезжают.

Больше он не говорил. Машина шла вдоль складов, потом свернула в улицу, где дома стояли так тесно, что дождь между ними казался темнее. В одном окне горел свет. В другом шевельнулась занавеска и тут же опала. Вера запомнила поворот, вывеску аптеки и то, что за ними никто не ехал. Это должно было успокаивать. Не успокаивало.

«Северный» оказался не гостиницей в привычном смысле, а старым доходным домом, который кто-то выкрасил в цвет мокрого камня и назвал приличным словом. Над дверью тускло светилась буква «С». Остальные погасли. В холле пахло пылью, кофе и чем-то сладким, вроде увядших цветов.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти, с аккуратной сединой и глазами человека, который давно научился не удивляться. Она подняла взгляд раньше, чем звякнул колокольчик.

— Вера Андреевна Соколова, — сказала она. Не спросила. — Ваш номер готов.

Вера остановилась. С пальто капало на тёмный ковёр.

— Я бронировала «Маяк». Одноместный, второй этаж, без вида. Вчера вечером мне пришло подтверждение.

— «Маяк» закрыли сегодня днём. Вас переоформили. — Женщина повернула к ней журнал. Почерк был чужой, уверенный. Имя Веры, дата, номер 47. — Вид на доки. Оплачено до конца недели.

— Кем?

— В журнале не написано.

— Тогда кем принято?

Женщина чуть улыбнулась. Улыбка была вежливой и пустой, как бланк.

— Номер хороший. Тихий. Отсюда до изолятора двадцать минут, если не резать через склады. Через склады быстрее, но я бы не советовала. Особенно ночью. Особенно женщине, которая ещё не знает, какие имена здесь лучше не произносить.

Вера не взяла ручку.

— Я не живу в номерах, которые за меня выбирают незнакомые люди.

— Тогда вам будет трудно в этом городе, — спокойно сказала администратор. — Здесь почти всё уже выбрано. Ключ на стойке. Если захотите другой номер, свободных нет. Паромный день.

За окном ударил гудок — низкий, долгий, будто кто-то звал не судно, а сам дом. Вера посмотрела на ключ. Обычный, металлический, с тяжёлым брелоком. Никакой карты, никакой современной глупости. Такой ключ можно подделать. Такой ключ можно не вернуть.

Она могла уйти. Найти другую гостиницу, ночную, грязную, свою. Могла позвонить коллеге и сказать, что дело пахнет хуже, чем в бумагах. Могла сесть на утренний паром обратно и забыть портовый город, где даже водитель такси знает, кто ты, раньше, чем ты открываешь рот.

Вера взяла ключ.

Не потому, что испугалась. Потому что человек, который бронирует адвокату номер до того, как адвокат сходит на берег, уже совершил ошибку. Он показал, что ждёт. А ждущие люди оставляют следы.

— Если кто-нибудь спросит, приехала ли я, — сказала она, — скажите, что не знаете.

Администратор кивнула так, будто обещание ничего не стоило.

— Конечно.

Лифт не работал. Лестница была узкой, ковёр на ней вытерт до ниток. На третьем этаже пахло табаком. На четвёртом — морем, хотя окон на площадке не было. Номер 47 оказался в конце коридора, рядом с дверью, за которой не горел свет и не слышалось шагов. Вера постояла, прислушиваясь. Тишина в чужих гостиницах никогда не бывает пустой. В ней всегда кто-то дышит через стену.

Ключ повернулся слишком легко.

Номер был лучше того, что она бронировала. Шире. Темнее. Шторы не задёрнуты. За окном, совсем близко, лежали доки: мокрые крыши складов, жёлтые фонари, чёрная вода между пирсами. На стекле дрожали чужие огни. Если подойти вплотную, можно было разглядеть людей у ворот — маленьких, в капюшонах, неразличимых.

Кто-то хотел, чтобы она это видела.

Вера не включила верхний свет. Поставила чемодан у стены, проверила ванную, шкаф, пространство за дверью. Пусто. На столе — графин и два стакана, хотя она приехала одна. На стуле — плед, сложенный слишком ровно. Кровать была застелена тёмным покрывалом, и только подушка белела в полутьме, как чужое лицо.

На подушке лежала лента.

Чёрная, шёлковая, узкая. Не бант и не украшение. Отрез, аккуратно свернутый, будто его положили рукой, которая умеет обращаться с дорогими вещами и с чужими горлами. Рядом — карточка из плотной бумаги, без герба, без имени гостиницы.

Вера не взяла ленту сразу. Достала из кармана перчатки — тонкие, кожаные, для холодных коридоров судов — и только тогда подняла карточку.

Почерк был тот же, что в журнале. Ровный. Без нажима, без спешки.

«Не произносите имён вслух».

И ниже, мельче:

«Завтра в девять вас будут ждать не там, где вы думаете».

Вера перечитала дважды. Бумага не пахла духами. Пахла дождём и железом, как причал. Значит, её принесли недавно. Значит, человек вышел из номера незадолго до неё. Мог ещё быть в доме.

Она подошла к окну и не стала отдёргивать штору полностью. Свет в номере не горела, и снаружи её не должно было быть видно. Всё равно казалось, что видно. На крыше противоположного склада мигнул огонёк — не фонарь, сигарета. Кто-то стоял там под дождём и смотрел на «Северный». Может, не на её окно. Может, именно на него.

Вера не отступила.

Лента в перчатке была холодной и слишком мягкой. Такой вещи не место в деле об убийстве докера. Такие вещи присылают, когда хотят, чтобы женщина поняла: до неё уже дотрагивались, просто пока не рукой. Она провела большим пальцем по кромке. Шёлк цеплялся за кожу даже через перчатку, тонко, почти интимно, и от этого стало хуже, чем от угрозы. Угрозы Вера читала каждый день. Это было другое. Это было обещание близости без разрешения.

Она положила ленту обратно. Не в чемодан. На стол, рядом с графином, где будет видеть её, пока не решит, улика это или приманка.

Телефон поймал сеть с третьей попытки. Коллега, передавший дело, не ответил. Секретарь суда — тоже. Вера набрала номер, указанный в материалах как контакт семьи Грекова. Долгие гудки. Потом мужской голос, молодой, осторожный:

— Да?

— Это адвокат Соколова. Я приехала. Завтра в девять хочу видеть Илью Грекова. Кто оформлял допуск?

Молчание. Слишком долгое для человека, который ждал звонка.

— Вам нельзя называть… — Голос сорвался и стал тише. — Вам уже оставили сообщение?

— Кто?

— Я не могу. Если вы в «Северном», не ходите утром прямо в изолятор. Вас туда не пустят. Сначала… — он сглотнул, и в трубке стало слышно то же море, тот же дождь. Значит, он был не дома. Он был где-то здесь, у воды. — Сначала вас позовут. Не спорьте при людях. И не спрашивайте, как его зовут.

— Как зовут кого?

Связь щёлкнула. Не оборвалась — её оборвали. В тишине номера собственное дыхание показалось громким.

Вера опустила телефон. Рука была спокойной. Внутри — нет. Спокойствие она давно научилась надевать, как пальто: застегнула, и можно выходить к тем, кто хочет видеть страх.

Она всё-таки включила лампу. Маленькую, у кровати. Жёлтый круг лёг на подушку, на вмятину, которой не должно было быть, если горничная только поправила бельё. Кто-то сидел здесь. Не лёг — сидел, на краю, лицом к окну. Смотрел на доки и ждал, пока паром подойдёт к причалу. Ждал её.

На ковре у кровати темнело пятно. Вера присела. Не кровь. Вода. След подошвы, уже подсыхающий по краям. Мужской. Узкий. Дорогой каблук, не докерский ботинок. Человек пришёл с дождя, постоял или посидел и вышел, не вытирая ног. Ему было всё равно, что она увидит следы. Или он хотел, чтобы увидела.

Вера выпрямилась. Сняла пальто. Под ним — простая чёрная водолазка, юбка, сапоги, в которых можно бежать, если придётся. В зеркале шкафа она выглядела как женщина, которая

приехала работать, а не как женщина, которой оставляют шёлк на подушке. Это должно было её защитить. В этом городе, кажется, не защищало ничего.

Она заперла дверь на ключ и для верности подставила под ручку спинку стула. Детский жест. Взрослый тоже: если кто-то войдёт, она хотя бы услышит.

Потом достала из чемодана папку. Дело Грекова было тонким. Протокол осмотра. Заключение, где время смерти прыгало на сорок минут. Показания свидетеля, который «видел знакомый силуэт у склада» и не смог описать лица. Фамилия свидетеля в копии смазана. Не чернилами — будто по бумаге провели мокрым пальцем уже после печати.

Вера подчеркнула это карандашом. Рядом написала: «номер оплачен неизвестным». Ниже: «лента». Ниже: «не произносить имена».

Чьё имя?

Она не знала никого в этом городе, кроме мёртвого таможенника, молчащего докера и коллеги, который не брал трубку. И всё же город уже знал её. Знал рост, если судить по тому, как высоко повесили лампу. Знал, что она придёт ночью, а не утром. Знал, что не откажется от номера, если в нём окажется след.

За окном сигарета на крыше погасла. Человек не ушёл. Вера поняла это по тому, как изменилась темнота: в ней осталась плотность чужого внимания. Не похоть. Не просто слежка. Что-то более медленное. Будто её рассматривали не для того, чтобы испугалась, а для того, чтобы запомнить, как она стоит, когда думает, что одна.

По коже прошёлся холод, не от окна.

Вера погасила лампу. В темноте шёлк на столе исчез, но она всё равно чувствовала, где он лежит. Глупо. Вещь не смотрит. Смотрит тот, кто её положил.

Она не легла. Села в кресло у стены, так, чтобы видеть и дверь, и окно, и положила папку на колени. До утра было четыре часа. Достаточно, чтобы решить, чьё дело она на самом деле приехала защищать. Недостаточно, чтобы перестать слышать, как в коридоре — очень тихо, почти вежливо — останавливаются чьи-то шаги напротив номера 47.

Шаги не удалились.

И не вошли.

За дверью кто-то стоял и дышал вместе с дождём, будто проверял, произнесёт ли она вслух имя, которого ещё не знает.

Вера молчала.

В тишине, под невысказанным именем, город делал первый шаг к ней. А она, не отводя глаз от двери, понимала, что уже ответила. Тем, что осталась.

Глава 2. Клиент, который молчит

К утру шаги за дверью исчезли. Остался только дождь и вмятина на ковре, уже сухая по краям.

Вера не спала. Сидела в кресле, пока серый свет не отделил крыши доков от неба, потом умылась холодной водой и собрала волосы так туго, что заболели виски. Боль была полезной. Она напоминала, что тело ещё принадлежит ей, а не номеру, который за неё выбрали.

Ленту она не взяла. Сфотографировала на телефон, завернула в чистый лист и убрала в папку, между протоколом и смазанной фамилией свидетеля. Если это улика, ей место в деле. Если приманка — пусть лежит там, где Вера сможет достать её, не надевая на себя.

Внизу администраторша пила кофе и не подняла глаз, пока Вера не положила ключ на стойку.

— Я не съезжаю, — сказала Вера. — Мне нужно, чтобы в номер никто не входил. Ни горничная, ни тот, кто вчера сидел на кровати.

Женщина помешала сахар. Ложка звякнула слишком аккуратно.

— Горничная сегодня болеет.

— А второй?

— В журнале не написано.

На улице дождь стал крупнее. Вера поймала машину не у дверей, а двумя кварталами ниже, у аптеки, которую запомнила ночью. Водитель был другой. Молчаливый, с родинкой на щеке и руками, пахнущими рыбой. Она назвала следственный изолятор. Он кивнул так, будто адрес уже лежал у него на языке.

Телефон завибрировал на первом же светофоре. Незнакомый номер. Вера ответила и не назвалась.

— Вы едете не туда, — сказал мужской голос. Не молодой, как ночью. Старше, суше. — Вас ждут у северных ворот склада четыре. В девять. Не в девять десять.

— Меня ждёт клиент. В изоляторе.

— Клиент никуда не денется. А допуск, который вам обещали, уже отозван. Если приедете сами, вас развернут на проходной и запишут, кто смотрел вам вслед. Этого вам пока не нужно.

— Кто вы?

Короткая пауза. В ней было слышно море, или Вера уже слышала его везде.

— Человек, которому заплатили, чтобы вы дожили до разговора. Не произносите имён в машине. Водитель не ваш.

Связь оборвалась.

Вера посмотрела в зеркало. Водитель смотрел на дорогу. Слишком прямо. Она убрала телефон в карман и сказала спокойно:

— Остановите у ближайшего кафе.

— До изолятора семь минут.

— Я передумала пить ваш город натощак.

Он остановил. Не спорил. Это было хуже спора. Вера расплатилась, вышла и свернула не к кафе, а в проход между складами, где пахло мокрой фанерой. Прошла два квартала пешком, меняя сторону улицы, и только потом взяла другую машину. Назвала не изолятор. Назвала суд. У суда вышла и остаток пути прошла одна, под зонтом, который покупать не стала: в этом дожде зонт всё равно был бесполезен.

Изолятор стоял у воды, будто его специально поставили так, чтобы арестованные слышали гудки и не могли до них дойти. Серое здание, решётки, флаг, который обвис и потемнел. На проходной сержант посмотрел её удостоверение дольше, чем нужно, и короче, чем вежливо.

— Соколова. По Грекову. Допуск был. С утра сняли.

— Кто снял?

— Поступило указание.

— Чьё?

Сержант вернул удостоверение двумя пальцами, будто оно пачкало.

— Вам лучше спросить у тех, кто вас сюда прислал. Я людей не называю. И вам не советую. Следующая.

За её спиной уже стоял мужчина с передачей. Пакет шуршал. Вера не отошла.

— Я защитник. Отказ в свидании оформляется письменно. Дайте бланк.

— Бланков нет.

— Тогда я постою здесь, пока появятся. И каждый, кто пройдёт, услышит, что адвокату Грекова не дают увидеть клиента в первое утро. Это плохо выглядит даже для вашего города.

Сержант сжал челюсть. Где-то за дверью звякнул металл. Потом из коридора вышел другой, в штатском, с бейджем, повёрнутым рубашкой внутрь. Лицо сытое, глаза усталые. Он кивнул сержанту: пропусти. Не ей. Сержанту.

— Пятнадцать минут, — сказал штатский, когда Вера прошла рамку. — Без диктофона. Без бумаг, которые он должен подписать. И без вопросов, на которые он всё равно не ответит.

— Вы его адвокат?

— Я человек, который не хочет, чтобы в мою смену стреляли по окнам. Комната номер два. Он уже там. Не благодарите. Вас не я впустил.

Коридор был узкий, выкрашенный в цвет старой кости. Под потолком мигала лампа. И сразу, с первой двери, ударил запах.

Соль. Железо.

Не больничная чистота и не тюремная кислятина, хотя и она была: хлорка, мокрая шерсть, чужой пот. Поверх лежало море. Будто стены пропитались причалом, и каждый, кого приводили сюда с доков, приносил с собой трюмную воду. Железо чувствовалось на зубах. Вера провела языком по нёбу и пожалела об этом. Вкус остался.

Пол был мокрый у батареи. Не от уборки. От сапог. По сапогам прошли недавно, несколько человек, и один след был уже, аккуратнее остальных. Она не остановилась рассматривать. В изоляторе нельзя показывать, что ты умеешь смотреть.

Комната номер два оказалась без окна. Стол, привинченный к полу. Два стула. На одном сидел Илья Греков.

Он был моложе, чем на снимке в деле. Или снимок состарил его нарочно: вспышка, синяк под глазом, который теперь пожелтел, щетина, слишком тяжёлая для лица. Руки лежали на столе, пальцы переплетены. Ногти чистые. Странно для докера, которого взяли на складе. Или не странно, если после склада его где-то держали и заставили отмыться до чужой опрятности.

Он не поднял головы, когда дверь закрылась.

Конвоир остался снаружи. Штатский тоже. Вера слышала их за дверью: не слова, дыхание. Пятнадцать минут. Может, двенадцать, если считать по-ихнему.

— Илья, — сказала она. — Меня зовут Вера Соколова. Я ваш адвокат. Деньги за защиту перевели через столичную коллегию. Если вы не хотите, чтобы я вела дело, скажите сейчас. Я оформлю отказ и найду вам другого. Это ваше право, не их.

Он смотрел в стол. В царапину, похожую на букву «к», которую кто-то долго выводил ногтем.

— Я клялся не ему, — сказал Илья.

Голос был тихий, сорванный, будто им уже пользовались сегодня.

Вера села напротив. Не слишком близко. Папку положила так, чтобы он видел: она пришла с делом, а не с угрозой.

— Кому не ему?

— Я клялся не ему.

— Илья, посмотрите на меня. Мне нужно понять, кто вас подставил. В протоколе время смерти не сходится со сменой. Свидетель описывает силуэт и не описывает лица. Фамилия смазана уже после печати. Если вы были на складе четыре, вы не могли быть у северных ворот. Это можно доказать. Но только если вы будете говорить со мной, а не с тем, кто велел вам молчать.

Он чуть качнул головой. Не отказ. Усталость.

На шее, под воротом казённой рубашки, темнела полоса. Не от удара. Тонкая, ровная, будто кожу натёрли чем-то мягким и тугим. Шёлком. Вера узнала ширину раньше, чем позволила себе узнать. Такая же лента лежала ночью на её подушке.

Во рту снова стало солоно.

— Кто оставил это? — спросила она тише. — Кто был у вас до меня?

Илья наконец поднял глаза. Не на лицо. На её руки. Проверил, нет ли на запястье чёрного. Не увидел и, кажется, не обрадовался. Испугался сильнее.

— Я клялся не ему, — повторил он. Третий раз. Тем же порядком слов, как молитву, которую нельзя переставить, иначе она перестанет защищать. — Вы тоже не клянитесь. Они уже написали. Вам останется только приехать.

— Кто написал?

Молчание.

За дверью кашлянули. Напоминание о времени, или о том, что слышат.

Вера открыла папку. Не ленту. Протокол. Положила перед ним так, чтобы царапина на столе пришлась на строку о времени смерти.

— Вот здесь ложь. Вот здесь вторая. Если вы скажете, где были между десятью и половиной одиннадцатого, я вытащу вас из их версии. Если будете повторять одну фразу, вас осудят быстро и тихо, а я останусь в этом городе человеком, которого использовали как ширму. Мне это не нравится. Вам, думаю, тоже.

Что-то дрогнуло в его лице. Не надежда. Узнавание.

— Ширма, — повторил он едва слышно. И тут же, громче, для двери: — Я клялся не ему.

Вера поняла. Фраза была не ответом. Пропуском. Пока он говорит её, с ним нельзя сделать то, что делают с теми, кто сказал лишнее. И пока Вера сидит напротив, дело выглядит как дело: адвокат, клиент, протокол, пятнадцать минут. Кто-то снаружи может показать, что защита допущена. Кто-то другой может показать, что защита ничего не узнала. Оба используют её спину.

Её привезли в порт не спасать Илью. Её привезли, чтобы было на кого смотреть, пока настоящую клятву перекладывают с одних рук на другие.

Соль в воздухе стала гуще. Или это кровь пахла железом, старая, въевшаяся в щели стола. Вера не отвела взгляда.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Тогда я буду говорить, а вы моргайте, если я ошибусь. Один раз — да. Два — нет. Это не клятва. Это азбука. Её нельзя подшить к делу.

Илья замер. Потом, очень медленно, моргнул один раз.

Вера почти улыбнулась. Не губами. Глазами, так, чтобы дверь не увидела.

— Вас взяли не на месте убийства.

Один.

— Таможенник был мёртв до того, как вы вошли на склад.

Один.

— Вы видели, кто вышел.

Два. Потом один. Потом он закрыл глаза совсем, и по щеке прошла судорога. Значит, видел. И это «да» стоило ему дороже всех остальных.

— Этот человек служит не тому, чьё имя мне запрещают произносить.

Илья открыл глаза. Посмотрел наконец ей в лицо. В этом взгляде не было просьбы о спасении. Была жалость. К ней.

— Я клялся не ему, — сказал он в четвёртый раз, и теперь в фразе слышалась трещина. — Клятву дали раньше. Не я. Меня только заставили носить. А вас… — он сглотнул, и конвоир за дверью переступил. — Вас привезли, чтобы было кому её отдать, когда я сломаюсь. Не защищайте меня слишком хорошо, Вера Андреевна. Если я выйду, клятва останется на вас целиком. Если я останусь здесь, у вас ещё есть утро, чтобы сесть на паром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.